

Александр ШИХЕР

*

Я приближаюсь к возрасту отца,
в котором он зачал меня. Так странно,
как будто, это жизни медиана
звонит предошущением конца...

Как будто половина естества
осталась там — в окуклившемся прошлом,
и я брежу в тумане придорожном,
и шелестит опавшая листва.

Идя к несуществующей звезде,
я за собою расставляю вешки,
чтоб на просторах вечности крошечной
мой сын не заблудился в темноте...

*

Все мы когда-то были бессмертными —
Девятилетними, десятилетними...
Супергерои мегаблокбастеров —
Локти в зелёнке, а пятки под пластырем.
Раны лечили листом подорожника,
Неуязвимые, неосторожные.
Непобедимые, великолепные —
Мы семилетние, мы восьмилетние.

Смело ходили за хлебными булками,
Грязные яблоки с дерева хрумкали.
Кошек гоняли, играли с собаками,
Много не знали и долго не плакали.
Рано ложились, вставали последние —
Мы пятилетние, мы шестилетние.

Верили в чудо и в Деда Морозного,
Вечно хотели запретного, взрослого.
Вот и сбылись наши детские чаянья.
Тает Снегурка. Минута молчания.
Все мы когда-то были бессмертными.
Были, но выросли. Были и не были...

*

Похороны плюшевого мишки.
Он умер, поскольку я вырос.
Я беру его труп под мышку.
Время полдень. Пора на вынос.

Старая моя игрушка,
Где тебя схоронить на селе?
Мама хотела в подушке,
Но я предпочёл в земле.

Гроб картонный. Картонная крышка.
Я не ставлю креста. Прощай.
Засыпай без меня, мой мишка,
По дороге в плюшевый рай.

*

Строит свет гнездо под потолком.
Темнота мурлыкает за дверью.
Что такое сказка перед сном?
Это как молитва перед смертью.

Там не страшно. Вот и весь резон.
Только верь в своё перерождение.
И тогда тебе покажут сон.
Это сказка перед пробуждением...

РЫБА-ТУМАН

девушка спит на твоём плече
не потревожь
больше не будет таких ночей
шепчется дождь

дышит рассвет на её губах
капля росы
и тишина растворяет страх
стали часы

сон — это тёплый густой океан
где-то внутри
плавает белая рыба-туман
в свете зари

вот бесконечный её плавник
режет закат
рыба трепещет последний миг
хочет назад

в мягкий кисельно-искрящий сон
вдаль от огня
только всё ближе солнечный звон
на углях дня

рыба растает в тиши квартир
пляска лучей
через секунду проснётся мир
на твоём плече

*

Стихи не греют, греет чай —
поэзия далёкого Китая.
На дне стакана истину встречай:
чаинки, как снежинки, не растают.

Пусть строки все по горло замело,
и пусть замёрзла рифма с потрохами,
чтоб чай отдал тебе своё тепло,
согрей его горячими стихами.

ШАХТА ИМЕНИ ОРДЖОНИКИДЗЕ

Что тебе снится?
Как тебе спится?
Шахта имени Орджоникидзе.

Снятся тридцатые годы забоя.
Снятся шахтёры безликой толпою.

Чёрные ватники, чёрные лица.
Угольной пылью кожа искрится.

В чреве твоём, словно малые детки,
всюду спуют и визжат вагонетки.

Время без хлеба, время без денег...
Снится подземный людской муравейник.

Снятся-коксуются древние угли,
снится, как бог забавляется в куклы.

Он отрывает им руки и ноги.
Чёрной рекою скворчат некрологи...

Как тут не сбиться?
Как тут не спиться?
Шахта имени Орджоникидзе?

Люди текут по квадратному горлу,
внутри, где поют-надрываются свёрла.

Внутри, где пространства всего на могилу,
внутри, где застыла горячая сила.

Внутри, где дрожит и дробится порода —
каменный сок сорок первого года.

Кормятся печки, котельные домны,
льётся металл, маршируют колонны.

В вечном огне виден блеск антрацита.
Никто не забыт и ничто не забыто.

Цокот копыт. Перезвон колокольников.
Прячется в шурф утомлённое солнце.

Небом умыться.
Лечь и забыться.
Шахта имени Орджоникидзе...

ЖИЛ ЧЕЛОВЕК

1

Жил человек
рассеянно
в каменноугольном
бассейне.

Работал на шахте
имени Ворошилова.
Правда, жизнь у него была
паршивая.

Бурый уголь утром,
активированный уголь вечером.
Массированные удары
алкоголем по печени.

На закуску лапша
быстрого приготовления.
Каждый день после смены,
как день рождения.

Только воздух не воздух
без пачки «Примы».
И душа в потолок улетает
колечком дыма.

А на смену приходит
долгий, утробный кашель.
Это уголь выходит
жидкой промозглой кашей.

Постарались в лёгких
невидимые шахтёры.
Раздербанили пласт,
на-гора своротили горы.

Завалило все штреки и квершлаги —
не остановишь.
Телефонный диск
набирает скорую помощь.

Разгребли, откачали, отмыли,
поставили клизму.
И, скрипя, покатила вперёд
вагонетка жизни.

2

Все события переплелись
звеньевой сцепкой.
Но однажды он вдруг подумал
сходить в церковь.

Подошёл к собору,
взял свечку у местной бабки.
Только ёкнуло что-то,
скрутило, сгребло в охапку.

Минус тридцать,
а он без шапки замер у входа.
Он смотрел на небо,
он пил и вдыхал свободу.

Вспоминая детство
и тихий берёзовый шелест...
Но раздался окрик,
как будто удар в челюсть:

«Эй, земля,
чего ты застыл истуканом?!»
Проходящий мимо колдырь
поманил стаканом.

Зазвонил-заалкал
колокол двенадцатигранный.
А в кармане ломалась свечка
от тостов бранных.

И когда он дома
увидел осколки воска,
стало так пусто
и так бесконечно жёстко,

Приторно горько
и в горле слова застыли...
Ночь разлилась
океаном из угольной пыли.

3

Закрывая глаза
во тьме городских артерий,
он представил сон
про людей из небесных прерий.

Эти люди снимали крылья,
вставали в клетки
и спускались на землю.
Их называли — дети.

Перед каждым стояла задача —
добыть счастье.
И отправить наверх. Да побольше!
Привет начальству!

И пока не проникла в душу
мирская плесень,
самоцветной рекой текли
вагонетки песен.

Самородной рудой искрились
залежи смеха.
Самобытным огнём согревала
звезда Потеха.

Но иссяк рудник,
И на небе задёрнули шторы.
Дети выросли
и превратились в матёрых шахтёров.

Пустота вызревала внутри
с каждой выбранной тонной.
Травяную постель застелили
простынкой бетонной.

Шахты вылезли вверх
на десятки и сотни метров,
омываемы солнцем
и обтекаемы ветром.

Но запасов счастья осталось
ничтожно мало.
И звенел закат,
отражаясь в море металла...

4

Он проснулся. Он закурил.
Заварил чаю.
И взглянул на остатки свечи,
и сказал: «Я знаю».

Он включил плиту.
И на водяной бане
он расплавил воск
в бездонном, как мир стакане.

И душа внутри
обжигаете вскипела.
Он сжимал и катал в ладонях
горячее тело.

Миг творения. Боль. Торжество.
Ощущенье покоя.
Вот оно. На руках.
Такое своё. Родное.

Восковую звезду,
вместилище вечного света
он сжимал в кулаке,
проходя заслон турникета.

Он сжимал её,
когда надевал робу.
Он сжимал её
от рождения и до гроба.

Солнце вспыхнуло спичкой
и улыбнулось рассеянно.
Он остался
на каменноугольном дне бассейна...

ЧЁРНЫЙ СНЕГ

посвящение Прокопьевску

До свидания, город-забой.
Что ты мне дашь с собой?
Кашель угасших звёзд?
Чёрного снега горсть?
Трубы котельных дымят.
В каждом выдохе — яд.
Делаю новый вдох.
Во мне задыхается Бог.

До свидания, город-курган.
Вспыхнул-взорвался метан...
Сколько подземных могил?
Скольких ты проглотил?
Вижу закрытый гроб.
Перекрестился поп.
Молоток играет отбой.
Пой песню, шахтёр, пой.

До свидания, город-штрек.
Тебе не видать рек.
Аба* шириной в шаг —
чёрная кровь шахт.
Каменноугольный сон
видит старик-террикон.
Под шелестящий крик:
Штольня. Шурф. Шлих...

До свидания, город-горняк.
Из-под кожи сочится мрак.
Я сжимаю последний гвоздь.
Только это чужая злость.
Это всё не мои слова.
Я ведь тоже твоя трава.
Я ведь твой осенний побег.
Но вдохнул этот чёрный снег...

*Аба — прокопьевская река